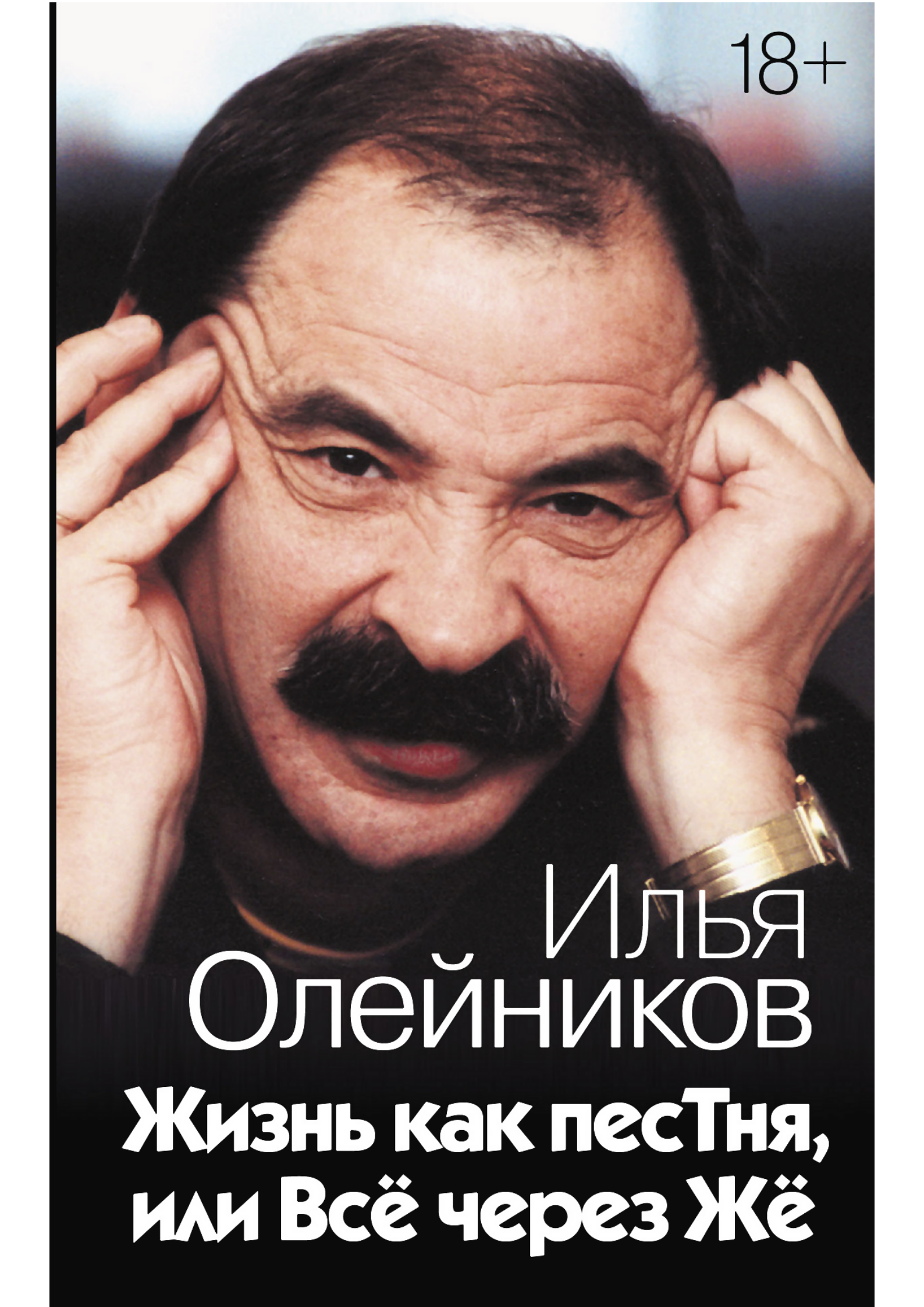

18+

A close-up portrait of a man with a mustache, looking directly at the camera with a serious expression. He has his hands pressed against his temples. He is wearing a gold watch on his left wrist. The background is dark and out of focus.

Илья
Олейников
**Жизнь как песня,
или Всё через Жё**

Илья Олейников

**Жизнь как песня,
или Всё через Жё**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3

Олейников И. Л.

Жизнь как песня, или Всё через Жё / И. Л. Олейников —
«Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-150941-5

Илья Олейников — советский и российский актер кино, телевидения и эстрады. Его многочисленные ампулы в телепередаче «Городок» заставляли покатываться со смеху миллионы зрителей. Вот и в автобиографии «Жизнь как песня, или Всё через Же» Олейников не отказался от озорного юмора. Вы окунетесь в честный и открытый рассказ о детстве, посрамленной первой любви, «штурме» Москвы, заглянете за кулисы актерской профессии. Станете свидетелем того, как Геннадий Хазанов сдавал вступительные экзамены в училище эстрадного искусства, уставшая Ольга Аросева выбирала шубу, а Андрей Миронов после сытного обеда ввязался в спор. И это далеко не полный список ярких личностей, которые мелькают на страницах книги. А еще узнаете, в каких это злодеяниях раскаивается автор... В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3

ISBN 978-5-17-150941-5

© Олейников И. Л., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Олейникову	7
Действующие лица	8
Вступление	9
Еще одно вступление	10
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Илья Олейников

Жизнь как песТня, или Всё через Жё

*ЖЕНЕ, СЫНУ, ВНУКУ, СЕСТРЕ, А ТАКЖЕ СВЕТЛОЙ
ПАМЯТИ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА*

В оформлении использованы материалы, предоставленные Фотобанком Shutterstock, Inc., Shutterstock.com

© Олейников И., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

«Жизнь как песТня» – книга как будто специально создана для хмурых осенних вечеров, читаешь ее и окунаешься в веселую и бесшабашную атмосферу студенческой жизни, наполненную комическими ситуациями и отчаянными розыгрышами. Книга написана очень увлекательно, читается легко, на одном дыхании. И на фоне всей этой «песТни» возникает ощущение, что **ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!**

@Vitalli***

Книга – анекдот. Читали всей семьей уже раза два, если не больше. Не надоедает!

Автор описывает свою жизнь с таким юмором, с такой иронией над собой – веселит ужасно.

Если вы любите анекдоты, байки, приколы, смешные истории из жизни реальных людей – советую почитать. Скучно не будет ни на одной странице!

@nemo20***

Прочитала буквально за вечер, хохотала как дурочка столько там всего смешного, вы не поверите!

Илья Львович описывает в книге свою юность, как он служил в армии, как познакомился с женой, как учился в Московском государственном училище циркового и эстрадного искусства. Самое главное, он себя там выставляет таким, каким он был на самом деле, – обалдуем, но безобидным, и умеющим во всем находить смешное.

Книгу рекомендую к прочтению, настроение поднимает будь здоров!

@Orebe***

Мне книга очень понравилась. Одна из самых смешных и добрых книг, которые я прочла за всю свою жизнь, а прочла я пару-тройку районных библиотек.

Эта книга не является философским трактатом о смысле жизни, автор на это и не претендовал, но она дарит отличное настроение, читается на одном дыхании. Я могу ее охарактеризовать как анекдот, просто он длинный, читаешь и хохочешь, и потом еще неделю хорошее настроение.

@Hэ***

Очень смешная, остроумная и добрая книга. Читали – хохотали всей семьей. Одна из тех редких книг, которая всегда способна поднять настроение.
@Анна М.

Олейникову

Воспоминания твои – это не написанная книга.
Это жизнь, записанная в виде книги.
У каждого такая книга за душой.
Так мы и жили.
Не теми, кем были.
Чтобы кем-то стать.
Перестать быть собой – это главное.
Палачи работали секретарями.
Артисты – инженерами.
Писатели – дворниками.
Евреи – русскими.
Антисоветчики – большевиками.
Главное – не быть самим собой.
От этого мат, водка, ложь и хохот в конце от всего услышанного и слезы от всего увиденного.
И воспоминания в шестьдесят лет, когда наступил первый покой, предвестник второго.
И первое окружение, которое любит тебя, сменившее тех, кого любил ты.
Много мата в авторе.
Нечем ему заменить.
Мы за ценой не постоим.
Отдадим свою жизнь дешевле, чем она досталась нам.
Смешнее читать, чем жить.
Папа и мама смешные, как автор.
Но, видимо, любящие.
Очень смешная жизнь в результате у Ильи Олейникова из «Городка».
Так мы писали, так и какали, так и трахались.
А потом разбрелись по земному шару.
И всюду чужие.
И не евреи.
И не артисты.
И не интеллигенты.
И не рабочие.
И не коммунисты.
И не мужчины.
Были не теми, кем были, и стали не теми, кем хотели.
И доверять нам нельзя.
А теперь читаем про себя.
Смеемся про себя.
Внуков рассматриваем.
Может, их жизнь выйдет за наши пределы.
Какое может быть предисловие к жизни?
Это послесловие, в котором мы и живем.

*Целую,
Михаил Жванецкий*

Действующие лица

КЛЯВЕР, инкогнито, он же я.

Илья ОЛЕЙНИКОВ, автор, он же Клявер.

ИРИНА, жена автора.

МАМА, мама автора.

ПАПА, папа автора.

Юрий СТОЯНОВ, ум, честь и совесть автора.

Роман КАЗАКОВ, потенциальный внук Троцкого.

Геннадий ХАЗАНОВ, настырный эрудированный юноша, 19 лет.

Андрей МИРОНОВ, москвич.

Владимир ВИНОКУР, гастролер, часто бывает за рубежом.

Евгений ВЕСНИК, любимый педагог автора, человек широкой натуры.

Иван ПЕРЕВЕРЗЕВ, кинозвезда.

Алексей ДИКИЙ, артист МХАТа, актер-легенда.

Николай ГРИБОВ, артист МХАТа.

Василий ЛАНОВОЙ, седеющий красавец, попавший в неловкое положение.

Юрий НИКОЛАЕВ, телеведущий, часто хочет есть.

Владимир ЛЕНИН, вождь мирового пролетариата.

Фидель КАСТРО, вождь чернокожих.

Иосиф СТАЛИН, еще один вождь.

Герберт УЭЛЛС, английский писатель.

Максим ГОРЬКИЙ, итальянский писатель.

Аркадий АРКАНОВ, русский писатель.

Валерий САВЕЛЬЕВ, рядовой, симулянт, музыкант.

Капитан ЧУМАКОВ, идиот.

Старший лейтенант ПЕНЬКОВ, законченный идиот.

А также:

президенты, кинорежиссеры, контролеры, генералы, военврачи, космонавты, студенты, ксилофонисты, женщины, евреи, Иван Грозный, Наполеон и многие другие.

Место действия – вся страна и кусочек заграницы.

Время действия – наши дни и чуточку раньше.

Вступление

Просто вступление

Дорогой читатель! Только что ты раскрыл мою книгу, за что тебе спасибо. Спасибо тебе за то, что ты ее раскрыл, и за то, что ты ее купил, потому что, если бы ты не купил, ты бы ее не раскрыл, а раз не раскрыл, то и не прочел бы. Тем не менее ты все-таки купил ее и раскрыл, за что тебе большое спасибо. А ведь не купи ты ее, то она бы так и осталась нераскрытой и непрочитанной, и мне было бы неприятно осознавать, что этот экземпляр остался непрочитанным, а значит, некупленным и нераскрытым. Но ты все-таки купил ее и раскрыл. И я знаю это достоверно, потому что, не купи ты ее и не раскрой, ты бы не прочел эти строки. Но не будем останавливаться на достигнутом. Попробуй перевернуть следующую страницу и подсмотреть, что там у этой книги под подолом...

Я вовсе не претендую на достоверность изложенных фактов – слишком много воды утекло с тех пор. Может быть, это было не так, может, совсем не так, а может, не совсем так, но мне почему-то кажется, что именно так все и было.

Еще одно вступление С легким привкусом сивушных масел

Я вдруг начал себя очень неуютно чувствовать. Дурь всякая в голову лезет. Страхи. Дискомфорт.

Так продолжалось целый год.

«Что это?» – думал я.

– Алкогольная зависимость, – лукаво улыбаясь, сказала наша знакомая Галочка, по которой в двенадцать лет шарахнула молния. С того момента она стала видеть все и всех. Как рентген.

– Совершенно верно! Исключительно алкогольная и исключительно зависимость! – подтвердила диагноз с истинной убежденностью ученого другая наша знакомая – Лариса. Несмотря на то что молния в Ларису не попадала, она все-таки умудрилась стать дипломированным врачом.

– Да вы, никак, озверели, бабы? – возмутился я. – Какая, на фиг, зависимость – вы что, забыли, как я пил? Рюмку днем, две-три вечером, триста граммов в гостях и двести граммов по воскресеньям! Много, по-вашему?

– Немного, – вежливо соглашались дамы. – Если бы ты не делал это каждый день в течение тридцати лет. Так что пора завязывать, запойный ты наш.

Я завязал. Полгода я, завидя сверкающие водочные витрины, на корню гасил любые проявления так отрицательно повлиявшей на меня алкогольной зависимости.

Однако дурь не проходила, и дикие идеи продолжали посещать меня с завидным постоянством. И тогда я сел за письменный стол. Сел с единственной целью – отвлечься. Положил рядом огромную пачку сверкающей бумаги, направил на себя прохладную вентиляторную струю, глубоко затянулся сигаретой, затем энергично приподнял ручку и в этом энергично приподнятом состоянии находился минут сорок, ожидая, пока первая спасительная фраза придет в мою порядком взбаламученную голову.

Время от времени я поглядывал на белоснежные, как новобрачная простыня, листы, мысленно представляя, как они постепенно заполняются Буковками. Видение приятно успокаивало, однако фраза не шла. Я встал, прошелся по комнате, еще покурил – все тщетно. Фраза не приходила. За окном пьяный мужик косил траву.

«Под Толстого косит», – уныло подумал я и снова энергично взялся за авторучку.

Бесполезно.

Почему-то вспомнился Байрон, так мало проживший и так много написавший. Затем перед глазами немым укором величаво проплыл многотомный словарь Брокгауза и Ефрона, но добил меня неожиданно появившийся силуэт Публичной библиотеки, в которой, несмотря на ее гигантский размах, так и не нашлось места для моей книжонки. И вовсе не по причине того, что дирекция обошла ее своим вниманием, а лишь потому, что она так и не была написана.

И вдруг что-то произошло. Как будто щелкнул невидимый тумблер, и я, как на телеэкране, увидел себя. Себя маленького...

Глава 1

в которой я признаюсь, что когда-то был маленьким

В коридорах детства я передвигаюсь достаточно неуверенно. Точнее, недостаточно уверенно. Ну так, передвигаюсь как-то – ни шатко ни валко. Шлындраю по закоулкам памяти туды-сюды... И стоит только всплыть, к примеру, некоему пятну, да не простому, а многообещающему пятну, и я начинаю в него вглядываться, вдруг – бац! – и темнота... Мерзкая, хлипкая темнота. И только круги перед глазами – как будто кто-то неаккуратно приложился к темечку кувалдой.

Вот что я помню явственно, так это безуспешные попытки родителей во что бы то ни стало приобщить меня к искусству.

Мама, например, блистала не столько на подмостках сцены, сколько на подмостках кухни, а папа вообще имел к театру более чем отдаленное отношение. Если все это представить себе достаточно выпукло, то становятся понятными настойчивые попытки родителей приблизить к прекрасному хотя бы меня. Может, в них говорило неосознанное стремление самим блистать во вспышках фотокамер? Может быть.

Так или иначе, усилия они прилагали титанические. С утра до вечера меня кормили записями мелодий из индийских фильмов, очень модными в те удивительные годы, а также ариями и ариетками из всевозможных опер и оперетт. Наконец папа решил, что я достиг такой степени совершенства в исполнении перечисленных выше произведений, что было бы преступным не поделиться этими достижениями с человечеством. Не со всем, конечно, человечеством, а с лучшей его частью, то есть папиными друзьями. В доме стали появляться гости.

* * *

В нашем доме всегда привечали гостей, но теперь их приход имел абсолютно практическое значение – они шли знакомиться с чудом. Этим чудом был я. Все происходило так: когда гости брезгливо оглядывали только что уничтоженный ими стол, мой отец вскакивал и со словами «Сейчас мой мальчик споет нам что-нибудь значительного!» швырял меня на стул. Я, пытаясь поймать равновесие, выплевывал на гостей накопленные мной пластиночные цитаты, фрагменты, диалоги, корча рожи и вытанцовывая на заготовленном мне крохотном плацдарме всякие невообразимые па. Гости изображали восторг. Еще бы! После такого стола... Каждый считал своим долгом прихватить меня за щечки и тягать их в разные стороны с какой-то нечеловеческой силой. К концу этой одобрительно-уничижительной процедуры щечки мои из розовых превращались в синюшные и только через несколько дней приобретали свойственный им ровный цвет. Поэтому гостей я не любил. Как, впрочем, и музыку, которую я считал своим личным врагом.

Мама с папой так не считали. Мне был нанят учитель по игре на скрипке. Я думаю, он был неопытным педагогом, не познавшим всех тайн детской души. Он сказал мне: «Мы начнем наше обучение с игры на этом замечательном, божественном инструменте с гамм, а уже чуть попозже возьмемся за прелестную пэсенку „Петушок“». Я, конечно, не знал, как звучит ни сама

гамма, ни эта «прелестная песенка», но название «Петушок» настолько меня заинтриговало, что мое знакомство с «божественным инструментом» я решил начать не с гамм, а именно с «Петушка». Учитель воспротивился и возразил, что так не бывает. Тогда воспротивился я. Наш спор продолжался довольно долго. Все аргументы учителя подавлялись мной беспощадно, и наконец, не выдержав напряжения, учитель вскочил и скрылся раз и навсегда.

Тогда в дом был приглашен еще один наставник – аккордеонист Эдуард Макаров. Эдуард был белокур, элегантен, пах духами «Красная Москва» и, дабы не вызвать сомнений у окружающих в своей интеллигентности, время от времени вынимал из кармана пилочку и наяривал ею по своим и без того идеально ровным коготкам. В глазах у Эдуарда скопилась буйная похоть. В них отражалось огромное количество женщин, поверженных им на своем нелегком жизненном пути, и, когда он разговаривал с мамой, становилось понятно, что и ей вряд ли удастся избежать его дивных сексуальных чар и что она падет в самое ближайшее время. Наконец, осознав, что он приглашен не для того, чтобы разрушить наш семейный очаг, а совершенно в других целях, он устало спросил:

– А где, собственно, мальчик?

– Я здесь, – тихо ответил я, подавленный величием аккордеониста.

– Ну что ж, мальчик... Для начала посмотри на это. – И он вытащил потрепанную черно-белую афишу, сверху которой было написано: «КУБАНСКИЙ НАРОДНЫЙ ХОР».

Под названием был изображен сам хор. Так сказать, непосредственно. Человек триста. От частой демонстрации афиши вся эта толпа слилась в огромное потертое пятно, из которого редкими лепестками вытарчивали отдельные физиономии.

– Видишь меня, мальчик?

В голосе Эдуарда сквозила неподдельная гордость.

– Не вижу, – искренне ответил я.

– То есть как это «не вижу»? Что значит «не вижу»?!

Эдуард был потрясен.

– А это кто, по-твоему? – И он раздраженно ткнул своим идеальным коготком в грязное пятнышко.

Пятнышко это можно было принять за что угодно, только не за лицо Эдуарда. Но я ощутил, что если опознание не состоится и на этот раз, то Эдуард этого не перенесет (а может быть, и не переживет).

– Теперь вижу, – прошептал я.

– То-то, – удовлетворился Эдуард.

Статус-кво был восстановлен.

– Теперь, когда ты понимаешь, кто твой учитель, я думаю, мы найдем общий язык, – продолжил он.

Как ни странно, Эдуард обучал меня достаточно толково, и я начал извлекать из аккордеона звуки, не очень портившие южный ареал.

Папа воспрял. Он устроил мне экзамен, результаты коего его вполне удовлетворили, и в дом с новой силой хлынули гости. Вторая волна. Правда, папу несколько раздражало, что он не может (как прежде) размашисто брякать меня о стул. Очевидно, он догадывался, что в момент моего соприкосновения с мебелью центр тяжести неизбежно переместится в сторону аккордеона, что немедленно вызовет мое падение. Прости меня, Господи (я очень люблю своих родителей), но кажется мне, что в этот момент папа думал не о сохранности меня, а о сохранности инструмента. Инструмент действительно был дорогой. Немецкий. Трофейный.

Надо честно признаться, что моя игра на аккордеоне не вызывала у гостей былого прилива энтузиазма. И за щеки меня никто не хватал. Да и вундеркинд стал старше. Это заметил и отец и после очередного полуфiasco, раздраженно бросив в мою сторону: «Я просчитался!

Из говна пули не сделаешь», – отстал от меня раз и навсегда. Детство заканчивалось. Начинались будни.

Глава 2

в которой я поминаю школьные годы и скорблю о посрамленной первой любви

Первое свое первое сентября помню плохо. Помню себя стоящим в первой шеренге с буйным букетом роз (розы были баснословно дешевы), помню напутственную директорскую речь, из которой я понял только одно: школа – наш дом на десять лет. Это немедленно вызвало у меня ассоциацию с тюрьмой, что было странно для ребенка моего возраста. Тем более такого культурного ребенка.

Еще помню радужную, ослепительную листву за школьными окнами, солнечных зайчиков на ученых ликах, украшавших классные стены.

Помню чувство освобождения от родительской опеки. Помню загадочную фразу Кимельмахера, потрясшую нашу физичку (это уже шестой класс):

– ...Солнце движется по экватору...

Помню (опять первый класс), как возвращался из школы, извоженный в чернилах, словно я не вгрызался на занятиях в гранит науки (это было совершенно исключено), а часами стоял под чернильным душем. Я врывался в дом, яростно забрасывал в самый дальний угол портфель, вызывавший у меня крайнюю степень неприязни, и с криком «Мама, я сегодня четверку получил!» улепетывал на улицу.

Вслед за мной из комнаты вылетал мамин крик:

– По какому предмету, сыночек?

– Два по арифметике и два по грамматике! – неслось от меня в сторону комнаты.

Из комнаты, совсем уже слабо, доносились отголоски маминых проклятий по этому безрадостному поводу, но мне было уже все равно. Я был на У-ЛИ-ЦЕ!

* * *

Улица в маленьком провинциальном городе – совсем не то, что улица в Москве или, скажем, в Петербурге. Провинциальная улица – это что-то до болезненности въедливое. Въедливое и знакомое от камня мостовой до выбитого зуба в уже и без того выщербленном рту постоянно пьяного дворника Жоры. Провинциальная улица – это нечто огромное, как сам мир, и интимное, как блудливая мысль о первой, еще не состоявшейся женщине. Сам воздух этой улицы был какой-то необычный, не имевший ничего общего с воздухом соседней улицы, потому что воздух соседней улицы был воздухом именно соседней улицы, а не нашей.

Улица в первую очередь манила меня футболом. Футбол я любил фанатически. Зеленый газон, свисток судьи, предвещающий начало матча, мяч, трещащий в сетке, – все это возбуждало меня, как возбуждает алкоголика недопитая бутылка.

Однажды я встретил на улице знаменитого защитника Володю Ларина. Володю Ларина весь город носил на руках, а его именем одинаково бредили как взрослые дяди, так и безумные пацаны. От волнения у меня пересохло в горле. Мне очень хотелось, чтобы Ларин сказал хоть

что-нибудь. Именно мне сказал. Во что бы то ни стало. Ларин стремительно приближался. В башке грохотал сумасшедший разладившийся оркестр, и, когда мы наконец поравнялись с Лариным, я испуганно выдохнул:

– Который час?

– Пошел на хер, – ответил Ларин, даже не повернув в мою сторону свою красивую, аккуратную брюнетную голову.

Два чувства боролись во мне. Первое говорило: «Ну вот ты и добился. Он с тобой поговорил. Ну и чудненько». «Чё чудненько? – возмущалось второе. – Тебя послали, а ты: „чудненько!“»

И все-таки тщеславие взяло верх. И, повстречав одноклассника, я небрежно заметил:

– А меня сейчас Ларин на хер послал.

– Да ну?! – не поверил тот. – Поклянись!

– Чтоб мне сдохнуть! – поклялся я.

Весь следующий день я был героем школы. Только и было разговоров: «Ты слышал, вчера Ларин Илюху на хер послал!» И даже не знавшие меня шестиклассники уважительно показывали на меня пальцем и говорили:

– Вот идет тот самый чувак, которого Ларин на хер послал.

Я был польщен повышенным вниманием к моей персоне. Не скрою: это приятно волновало.

...Итак, футбол. Я мог гонять мяч часами, сутками и даже неделями. Мне было совершенно все равно, где и с кем – мне был важен сам процесс игранья.

Отец мой любил футбол никак не меньше. В футболе ему не нравилось одно – видеть, как я себя в нем сжигаю. Во всяком случае, так ему казалось.

– Что ты носишься, как какой-то самашедший? Тебе что, больше нечего делать? – возмущался он. – Так пойди и стукнись головой об стенку. Стенке будет приятно, можешь не сомневаться.

Я не обращал на эти прозрачные намеки никакого внимания. А зря.

...Играли мы как-то «контора на контору». Так это у нас называлось. Мяч у меня в ногах. Я ощущаю его каждым нервом своего полуистлевшего полуботинка. Я стремительно рвусь к воротам Моньки Штивельмана. У Моньки от жуткого предчувствия близкого гола глаза расширяются до размеров теннисного шарика. Я уверенно обхожу все подставленные ножки. Я дриблингую. Никакая сила не может меня остановить. Я нащупываю головой удар. И вдруг... бац... хрясь... треск ткани... Это внезапно появившийся отец разрывает на мне трусы, как разрывает финишную ленточку победитель стайерского забега. То есть буквально на мелкие кусочки. Отец обнажает мое еще не успевшее окрепнуть мужское естество. Обнажает уверенно, как бы говоря окружающим: «Товарищи! Вот я, а вот мой сын. Мне скрывать нечего. Не правда ли – мы очень похожи? И не только лицом».

Если бы на пустыре, кроме нас, никого не было, я бы пережил этот конфуз легко и просто. Но позвольте, господа! На трибуне, состоявшей из нескольких дырявых бочек и ржавых труб, сидели дамы. И не просто дамы. На трибуне сидела Таня Еремина – тайная любовь моя, которой я давно хотел открыться. Но после того, что она только что увидела, открывать ей было решительно нечего. Все было раскрыто моим разгневанным папочкой.

* * *

Господи, как же я был в нее влюблен! Я любил ее аккуратные, в синих шерстяных чулочках, ножки, любил ее раскосые татарские глаза, ее белокурую челку, ее маленькие ушки и тонкую шейку. Я любил ее всю, со всеми недостатками, которые я упрямо не замечал, и достоинствами, которые всемерно преувеличивал. Как же мне хотелось ее поцеловать! Не было ночи,

чтобы я, ложась спать, не представлял себе этого поцелуя – долгого, как летние каникулы, и сладкого, как варенье. Надо же, какие страсти бушевали в душе десятилетнего мальчика.

Рядом со школой рыли котлован под пятиэтажку. В котловане было метров пятнадцать ширины и метров восемь глубины. Ну и придумали мы идиотскую мальчишескую забаву – кто дальше прыгнет. А кто не прыгнет, тот козел. Перспектива остаться в памяти товарищей четвероногим рогатым нас не возбуждала, а потому прыгали все. Разбегались от самого забора школы, пролетали добрую половину котлована и по синусоиде мягко приземлялись на теплый и почему-то всегда влажный песок. Во время полета кто-то чувствовал себя отважным летчиком, кто-то – парашютистом, кто-то – космонавтом – в общем, чем-то орнитологическим. Чувство восторга захлестывало и зашкаливало. Во-первых, потому что мы действительно летели, а во-вторых, потому что смогли себя победить. Нельзя сказать, что я был лидером этого летучего психоза, но и в аутсайдерах тоже не числился. И вот однажды, готовясь к очередному летному маршруту «забор – котлован – дно», я увидел Таню. Во мне все взвыло. Вот сейчас я должен доказать ей, что я мужик. Вот сейчас. И она, увидев, поймет это и полюбит меня. Сразу и безоговорочно. Я чудовищно разогнался и взмыл. Разогнался я действительно чудовищно, потому что, обнаружив, с какой гигантской скоростью на меня надвигается вторая стенка котлована, понял, что немедленно разобьюсь, если не сумею прервать это лихое порхание. Дабы сбить скорость, я начал сучить в воздухе ножками и ручками, и в последнюю секунду сумел так избежать столкновения. Вниз я рухнул сильно раненой птучкой, прямо на копчик. Боль была адской, дышать стало нечем, ребра подозрительно похрустывали, а перед глазами стояла пелена. «Какая нелепая смерть», – успел подумать я. Но мне не суждено было умереть – меня спасла Еремина. «Ты не разбился?» – услышал я Танькин голос. И в этом голосе было столько неподдельной тревоги, что моя хворь прошла разом. «Мне не больно! – закричал я на весь котлован. – Мне совсем не больно!» И, с трудом поднявшись, выковылял наружу.

Это был единственный раз, когда Еремина обратила на меня внимание.

Глава 3

в которой я пытаюсь изобразить из себя Казанову, но ничего не получается

Поговорим о странностях любви. Влюблялся я часто и внезапно, и так же часто и внезапно это упоительное чувство покидало меня.

В первый раз это случилось со мной в пятилетнем возрасте. Моей избранницей стала Анечка. Анечка жила в соседнем дворе. Длинные ее волосы распускались до талии, а на прелестной головке сверкал пушистый белый бант. Когда Анечка, сидя в песочнице, случайно дотрагивалась до меня острым локотком, сердце мое сладко ныло. Но однажды Анечка заболела стригущим лишаем и была обрита наголо. Когда Анечка предстала передо мной в виде маленького лысого монстра, любовь моя тут же испарилась.

Прошло пятьдесят лет. Мы с Юрой поехали на гастроли в Америку. После концерта в Нью-Йорке я, зайдя в гримерную, увидел некое шарообразное создание, с трудом втиснутое в гипюровое платье, на плечи которого было наброшено слегка поеденное молью боа.

Шарообразное создание при виде меня сделало что-то вроде книксена, при этом мебель в комнате слегка затряслась.

– Илья, – жеманно пропела она. – Вы меня не узнаете?

– Пока нет, – сказал я.

– Ну присмотрись повнимательней.

– Ну присмотрелся, не узнаю.

– Ну как же вы могли меня забыть? – продолжала она курлыкать свою нежную песню. – Вы вещь даже в любви мне объяснялись.

– Ну мало ли кому я объяснялся, – сказал я, совершенно не представляя, где, когда и сколько я выпил, чтобы признаться в любви этому гипюровому чудовищу.

– Но я у вас была первая! – драматически вскрикнула она. – Как это можно забыть вас!

– Первая?! – ужаснулся я. – В каком смысле первая?

– Ну, первая, которой вы объяснились, – сказала она и потупила коровьи глазки. – Это произошло в песочнице.

– В песочнице? – И тут страшная догадка пронзила мое сознание. – Неужели Анечка?

– Ну наконец, – облегченно выдохнула внезапно вынырнувшая из прошлого Анечка. – А вы меня не узнали. Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй, – сокрушалась она. – Как же вам не стыдно!

– Ну, э-э-э... Прошло столько времени, э-э-э... – оправдывался я непонятно по какой причине. – Вы... э-э-э... слегка изменились э-э-э, так что э-э-э вполне естественно э-э-э, что я э-э-э вас э-э-э...

И дальше я продолжал блеять что-то уж совершенно непотребное. Не дай вам бог, друзья, женщину, которую вы любили в молодости, встретить на склоне лет. Это страшно. В такие минуты приходит осознание бренности не только воспетого поэтами чувства, но и самого бытия. Я смотрел на нее и думал: «Анечка, Анечка, вот ты и перевернула последнюю страницу моей первой любви».

Ну да ладно, не будем отвлекаться.

* * *

Лет до пятнадцати я влюблялся несметное количество раз, но отношения с еще неопытными школьницами носили чисто платонический характер. Я ни с кем не целовался, в то время как мои школьные товарищи уже занимались этим вовсю. Однажды, валяясь на диване и томясь от безделья, я увидел в окне странную процессию. Широко шагающую впереди девушку Тому из соседнего переулка и семенящих за ней семерых моих соучеников. Отсутствие ума Тома компенсировала потрясающей грудью и длинными, как уши у спаниеля, ногами. К этому надо добавить, что она была не по годам эротична и давала кому ни попадя. Смутные неприятные подозрения проникли в мою душу, и я, выскочив на улицу в одних тапочках, завистливо спросил у замыкающего колонну Додика Альтмана:

– Вы куда?

– Томку идем на речку трахать, – по-военному жестко отозвался Додик.

– Всемером? – ахнул я.

– Всемером, – все так же, не моргнув глазом, ответил тот.

– А восьмой вам не пригодится? – жалостливо попросился я.

– Нет, – отрезал Додик, – перебор будет.

Компания удалялась. Я стоял потрясенный и одинокий.

«Ну вот, думал я, сейчас они станут мужчинами, а я когда? Да и стану ли им вообще...»

И вдруг, к моему изумлению, я увидел, как вся эта сексуальная процессия молча возвращается обратно. Причем в той же последовательности! Томка впереди, мачо – сзади. Я посмотрел на часы. Прошло пятнадцать минут. Я лихорадочно начал считать. До речки идти минуты три, не меньше. Туда-обратно – получается шесть. Итого, на любовные утехи остается кругом-бегом девять минут. Быстренько разделив девять на семь, получил, что на собственно соитие у каждого ушло минуты по полторы. Мысленно я попытался представить себе, как это могло у них получиться. Но в голове почему-то трещала одна выхваченная из закоулков памяти фраза: «Быстрые шахматы – удивительный и замечательный вид спорта».

Все это не укладывалось в моем сознании.

– Додик, – спросил я поравнявшегося со мной замыкающего колонну Альтмана. – Скажи честно, Томка не дала?

– Дала, – ответил Додик.

– Тогда как же вы все успели?

– Хорошего понемножку, – с достоинством ответил Альтман.

Вскоре мой теоретический запас в этой области стал весьма обширен. Хотелось применить полученные знания на практике. Так сказать, опробовать эту тонкую технологию на живом материале. Но случая не представлялось.

Конечно, провожая очередную влюбленность домой, я предпринимал попытки припасть к ее живительным устам. Но мои пассии были целомудренны, как ангелы, или делали вид, что целомудренны. Все до единой. В лучшем случае все заканчивалось держанием ее ладони в моей, пока наконец от долгого держания девичья ладошка не покрывалась испариной, и это служило мне сигналом, что девушку пора отпустить.

– Так чего? – спрашивал я развязно после мучительной паузы. – Я пошел?

– Иди-иди! – облегченно вздыхала милостиво отпущенная мною школьница.

Первый поцелуй случился внезапно и едва не превратил меня в импотента. Произошло это на вечеринке. Вечеринка до поры до времени носила постный и стерильный характер, пока какой-то прыщавый юноша не прокартавил:

– А не пога ли нам в бутылочку поиграть?

Предложение было принято с интересом. Когда очередь дошла до меня, бутылочный перст указал на скромно сидящую в углу хозяйку дома, весящую килограммов сто двадцать, а то и сто тридцать. Но к тому времени меня не волновало, с кем состоится мой премьерный поцелуй. Мне было важно только одно – чтобы он состоялся.

Когда закрученная мной бутылка показала на хозяйку, та стала подавать признаки беспокойства. Она начала покачиваться, нервно выламывать пальцы, поправлять волосы, пока не сказала:

– Я здесь целоваться не буду. При всех. Пошли в спальню, – и, схватив за руку, стала уволаскивать меня в другую комнату.

Она делала это столь решительно, что мне стало не по себе. Я даже впал в короткий шок, а выпав из него, подумал, что, пожалуй, дело может закончиться не только поцелуем. Терять же мою так долго и тщательно оберегаемую невинность с этим самодвижущимся комодом не входило в мои планы. Я сделал попытку сопротивляться. Бесполезно. Какое уж там сопротивление с моими жалкими шестьюдесятью килограммами против ее весомых ста двадцати. Софочка (а все ее называли уменьшительно-ласково – Софочка), ворвавшись в спальню, ловким бойцовским приемом швырнула меня на кровать. Рук ее не было видно – они работали в режиме вентилятора. Вентиляторные руки одновременно расстилали постель, сбрасывали с себя платье, пытались раздеть меня и еще совершали множество других движений.

Все мои теоретические выкладки, все те знания, которые вбивали в меня участливые соученики, пошли прахом. Я был лишен Софочкой всякой инициативы. Единственное, что успел, так это укубить ее за ухо. Но совершил я этот экстремальный поступок отнюдь не из амурных побуждений, а исключительно в целях самообороны. Нечеловеческим усилием я извлек из-под Софиных окороков свое обмякшее, расплющенное тело и, застегиваясь на ходу, выскочил из спальни мимо обалдевших гостей на улицу. Ноги подкашивались, руки дрожали, к горлу подкатывала тошнота. Слишком неравной была схватка.

Через некоторое время, оправившись от Софочки, я познакомился с Вале́й Гусер. Фамилия полностью соответствовала ее внешности. После Софочки Валя казалась мне совершенно беззащитной. Она была романтически настроенной девушкой и обожала туристские походы и все, что с ними связано: костры, песни под гитару, немытые котелки и прочую походную фигню.

Усевшись на небольшой пригорок, впоследствии оказавшийся муравьиным гнездом, я с некоторой осторожностью взял Валину руку и стал перебирать ее хрупкие пальчики. Валя свою ладань не оторвала, только кивнула томно: мол, продолжай. Я продолжил и так увлекся, что не заметил, как первый передовой отряд муравьиных гурманов аппетитно вгрызся в мою задницу. Пытаясь сбросить с себя поедающих меня тварей, я начал этой самой задницей активно елозить по гнезду. Валя приняла эти телодвижения за робкие проявления страсти.

«Потерпи, – нежно прошептала она. – Еще чуть-чуть».

Я бы, конечно, потерпел, но к этому моменту на моем заднем форпосте пировала уже целая муравьиная дивизия, а то и две. От окончательного поедания мое многострадальное мягкое место спасло только то, что стало холодать. И гражданка Гусер царским голосом предложила перенести ласки с лона природы непосредственно в спальный мешок.

В ту же ночь под шум дождя и завистливое уханье сов я, путаясь в ляжках Валькиного нижнего белья, лишил себя девственности.

Ранним утром, выцарапавшись из мешка и сладко потягиваясь, Валя сказала:

– Я так счастлива. Я себя чувствую как сказочная птица Пенис, восставшая из пепла.

Пришлось констатировать, что Валя была хоть и романтичной, но малообразованной девушкой.

Должен признаться, что на моем пути часто встречались необразованные девушки. Одна, пригласив меня на белый танец, прижалась щекой к щеке и спросила блудливо:

– Броетесь?

– А как же, – в тон ответил я. – Какой же молодой человек не бродится? Как утром проснусь – бритву в руки и броюсь, броюсь, броюсь... Пока все не сброю!

Но попадались и эрудитки. После того как я продемонстрировал одной из них свои выдающиеся, как мне казалось, мужские способности, она раскинулась в неге на постели и спросила:

– Милый, а кто твой любимый литературный герой?

Мне показалось, что вопрос прозвучал несколько несвоевременно.

– А твой? – спросил я, находясь в состоянии морального нокаута.

– Павка Корчагин, – ответила она, и в глазах ее засветился задорный комсомольский огонек. – Особенно когда он узкоколейку строил.

Мне стало мучительно больно... Я поднялся и молча оделся. Светлый образ Корчагина стоял перед глазами и как бы говорил мне: «Как же вам не стыдно, товарищ?! Мы там, в двадцатых, себя не щадя, вымачивали дорогу в светлое будущее, а вы в этом светлом будущем вот чем занимаетесь. Эх, товарищ, товарищ...»

Глава 4

в которой я начинаю приобщаться к искусству, а искусство сильно сопротивляется

В семнадцать лет я, по велению своего раздираемого противоречиями сердца, поступил в Кишиневский народный театр. Условия приема в сей храм художественной самодеятельности были просты. Хочешь поступать – будешь принят. Не хочешь поступать – не будешь принят.

Создателем этого уникального театрального организма являлся Александр Авдеич Мутафов. Лет ему было около семидесяти, но он об этом не знал, поскольку давно находился в маразме. Правда, с элементами просветления. Лицо Мутафова смахивало на сильно высохший помидор, из центра которого неизменно вытарчивала выкуренная до последнего миллиметра сигарета «Ляна». В народе эти сигареты называли «атомными», и действительно, когда Мутафов закуривал, невольно хотелось дать команду: «Газы!»

Еще Авдеич любил дешевый портвейн. Он называл его уважительно – «портвэйн». С таким вот почтительным употреблением буквы «э» я столкнулся еще раз. Встречался я с одной. Однажды она мне говорит:

– Кофэ хочу! – решительно так говорит.

«Ну, кофе так кофе», – подумал я и повел девушку в близлежащий общепит. Выпила она чашку, прокрутила во рту последнюю каплю, и после небольшой паузы я слышу:

– Еще хочу.

Взял вторую. Выпила.

– Еще, – говорит, – хочу.

Взял третью. Третью она пила долго и сосредоточенно, причмокивая и облизываясь. Потом вздохнула протяжно, протерла платком пропотевшее от дегустации лицо и произнесла загадочную фразу:

– Все мне говорили – «кофэ, кофэ»... Ни-че-го особенного.

* * *

Итак, Мутафов. Обычно, напившись «портвэйну», он закуривал традиционную «атомную», собирал нас в круг и начинал свою маразматическую речь.

«Значит, дело было в тридцать седьмом году. Или в двадцать седьмом? Нет, в тридцать пятом! Время непростое. Сложное, я бы сказал, время. Искусство в застое. Слышу звонок.

– Кто говорит? – спрашиваю.

– Станиславский с Немировичем! – отвечают.

– Слушаю вас обеих, – говорю.

А они мне говорят:

– Не хотите ли МХАТом поруководить?.. А то без вас беда нам».

В зависимости от количества выпитого рассказ варьировался. Например:

«Когда мы встречались с Пашей Пикассо, он мне прямо заявил:

– Да ты, Саня, с твоей внешностью да с твоими манерами стал бы на Западе звездой номер раз!»

А однажды допился до того, что увертюра звучала так:

«Дело было до войны. Только-только заключили с Германией пакт о ненападении. Звонят. Голос с немецким акцентом:

– Господин Мутафогф?

– Да, – отвечаю.

– Это из Рейхстага беспокоят. С вами хочет фюрер поговорить».

– Кто хочет? – изумились мы.

– Ну Гитлер, кто! Военный парад приглашал поставить на стадионе. Да не получилось – война помешала. А жаль... Я бы им там наворотил!

Потом закурил свою «Ляну», затянулся глубоко и, задумчиво глядя на свои пожелтевшие от никотина ногти, сказал:

– А ведь обещал войну первым не начинать... Вот и верь после этого людям!

* * *

За десять лет диктаторства в народном театре Мутафов поставил два спектакля. Первая пьеса была написана грузинским драматургом или, как теперь говорят, лицом кавказской национальности Амираном Шеваршидзе. Называлась пьеса «Девушка из Сантьяго», и в ней в легкой увлекательной форме рассказывалось о боевых буднях простой кубинской девушки, которая в течение нескольких часов нанесла американцам такой материальный ущерб, что, вздумай сегодня Фидель Кастро этот ущерб возместить, Куба осталась бы без штанов. К счастью для американцев, отважную девушку в конце спектакля зверски замучила батистовская охранка. Не сделай они этого, то и Америка наверняка осталась бы без штанов. Пьеса, безусловно, удалась автору, так как была одобрена спецкомиссией ЦК КПСС и рекомендована к исполнению. Насколько хороша вторая пьеса, сказать не могу. Это была «Бесприданница» Островского, относительно нее комиссия из ЦК никаких положительных рекомендаций не давала.

Несмотря на то что два эти опуса шли не менее десяти лет, Авдеич ежедневно репетировал отдельные сцены, пытаясь довести их до совершенства.

– Так! – победоносно орал он хриплым пропитым голосом. – Хор-рошо!.. Но уже лучше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.